

INTERNATIONAL
SCIENCE REVIEWS

№1 (3) 2022

Social Sciences series

www.aiu.kz

International Science Reviews

Social Sciences series

Published since 2020

No. 1 (3) / 2022

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaikhutdinov M.Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Jurisprudence, Professor
Amandykova S.K.

EDITORIAL BOARD:

Irsaliyev S. A.	-	Candidate of Agricultural Sciences, President AIU, (Kazakhstan)
Sarsenbay N. A.	-	Candidate of Economic Sciences, (Kazakhstan)
Somzhurek B.Zh.	-	Candidate of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Amandykova S.K.	-	Doctor of Jurisprudence, Professor (Kazakhstan)
Kazhyken M. Z.	-	Doctor of Economic Sciences, (Kazakhstan)
Toxanova A.N.	-	Doctor of Economic Sciences, (Kazakhstan)
Akhmadiyeva Zh.K.	-	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor (Kazakhstan)
Laumulin M. T.	-	Doctor of Political Sciences, (Kazakhstan)
Orlova O.S.	-	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia)
Jacek Zaleśny	-	Doctor of Jurisprudence, Professor (Poland)
Francisco Javier Diaz Revorio	-	Dr. hab., Professor (Spain)
László Károly Marác	-	PhD (The Netherlands)
Verbitskiy A.A.	-	Doctor of Pedagogy, Academician of the Russian Academy of Education (Russia)

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: social-sciences@aiu.kz

International Science Reviews**Social Sciences series**

Owner: Astana International University

Periodicity: quarterly

Circulation: 500 copies

«INTERNATIONAL SCIENCE REVIEWS»
Social Sciences Series 2022 / №1

МАЗМҰНЫ

Секция
ҚҰҚЫҚ

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ

Тхабисимова Л.А.

РЕСЕЙДЕГІ МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР МЕН ЖЕРГІЛІКТІ ӨЗІН-ӨЗІ
БАСҚАРУ ОРГАНДАРЫНЫҢ ӨЗАРА ҚЫЗМЕТІ: КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-
ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ.....10

Жамалбеков Р.Ж.

ГЕРМАНИЯ ФЕДЕРАТИВТІК РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН АВСТРИЯ
РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ САЯСИ ПАРТИЯЛАР ТУРАЛЫ ЗАҢНАМАСЫН
САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ.....20

НЕКЕ ҚҰҚЫҒЫ

Арутюнян Р.Э.

ШЕТЕЛ АЗАМАТТАРЫНЫҢ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҒЫ ЖОҚ
АДАМДАРДЫҢ НЕКЕ ҚАТЫНАСТАРЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ.....26

Секция
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР

Лаумулин М.Т., Кожирова С.Б.

ОРТА АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙ ФАКТОРЫ: ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ШЕТЕЛДІК
САЯСАТТАНУҒА ШОЛУ.....30

Азимжан А.Т.

КАШМИР ҚАҚТЫҒЫСЫННЫҢ ШЕШІЛУ ТАРИХЫ.....57

Аханова Ф.

СОҢҒЫ ОНЖЫЛДЫҚТАРДАҒЫ ӘЛЕМДІК САУДАНЫҢ ДАМУ
ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ.....67

**Секция
ЭКОНОМИКА ЖӘНЕ ФИНАНС**

Балтабаев Б.Ж., Кисикова А.Ж.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ БАНК СЕКТОРЫНЫҢ
ДАМУЫНА ЦИФРЛАНДЫРУДЫҢ ӘСЕРІ.....74

Нуржанова Г.

ЭКОНОМИКАНЫҢ ТЕХНОЛОГИЯЛЫҚ ДАМУЫ ЖАҒДАЙЫНДА
АУЫЛДЫҚ АУМАҚТАРДЫҢ ЕҢБЕК ӘЛЕУЕТІН ТИІМДІ
ПАЙДАЛАНУДЫҢ ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕСІ.....82

**Секция
ПЕДАГОГИКА**

Хаджибаева М.М.

ЖАЛПЫ БІЛІМ БЕРЕТІН МЕКЕМЕДЕГІ МӘДЕНИЕТАРАЛЫҚ
КОММУНИКАЦИЯНЫҢ ДАМУ ПРОЦЕСІ.....92

«INTERNATIONAL SCIENCE REVIEWS»
Social Sciences Series 2022 / №1

СОДЕРЖАНИЕ

**Секция
ПРАВО**

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Тхабисимова Л.А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....10

Жамалбеков Р.Ж.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГЕРМАНИИ И АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....20

НЕКЕ ҚҰҚЫҒЫ

Арутюнян Р.Э.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА С УЧАСТИЕМ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА.....26

**Секция
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Лаумулин М.Т., Кожирова С.Б.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЗОР
СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ.....30

Азимжан А.Т.

ИСТОРИЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КАШМИРСКОГО КОНФЛИКТА.....57

Аханова Ф.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ ПОСЛЕДНИХ
ДЕСЯТИЛЕТИЙ.....67

**Секция
ЭКОНОМИКА И ФИНАНС**

Балтабаев Б.Ж., Кисикова А.Ж.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....74

Нуржанова Г.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ.....82

**Секция
ПЕДАГОГИКА**

Хаджибаева М.М.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....92

**«INTERNATIONAL SCIENCE REVIEWS»
Social Sciences Series 2022 / No 1**

CONTENT

**Section
LAW**

CONSTITUTIONAL LAW

Tkhabisimova L.A.

INTERACTION OF STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-
GOVERNMENT IN RUSSIA: CONSTITUTIONAL AND LEGAL
ANALYSIS.....10

Zhamalbekov R.Zh.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION ON
POLITICAL PARTIES OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AND
THE REPUBLIC OF AUSTRIA.....20

Harutyunyan R.E.

LEGAL REGULATION OF MARRIAGE WITH THE PARTICIPATION OF
FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS.....26

**Section
INTERNATIONAL RELATIONS**

Laumulin M.T., Kozhirova S.B.

THE CHINESE FACTOR IN CENTRAL ASIA: A REVIEW OF MODERN
FOREIGN POLITICAL SCIENCE.....30

Azimzhan A.T.

HISTORY OF THE SETTLEMENT OF THE KASHMIR CONFLICT.....57

Akhanova F.

TRENDS IN WORLD TRADE IN RECENT DECADES.....67

Section
ECONOMY AND FINANCE

Baltabayev B.Zh., Kissikova A.Zh.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF THE
BANKING SECTOR IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....74

Nurzhanova G.

FOREIGN EXPERIENCE IN THE EFFECTIVE USE OF LABOR POTENTIAL
IN RURAL AREAS UNDER THE CONDITIONS OF TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT OF THE ECONOMY.....82

Section
PEDAGOGY

Khadzhibayeva M.M.

DEVELOPMENT PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN
EDUCATIONAL INSTITUTIONS.....92

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Лаумулин М.Т.

главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, д.п.н., проф. Высшей школы социально-гуманитарных наук Международного университета «Астана».

Кожирова С.Б.

доктор политических наук, профессор, руководитель Центра китайских и азиатских исследований Международного научного комплекса «Астана»

Статья подготовлена в рамках программы института востоковедения Министерства образования РК «Внешняя политика Казахстана в контексте развития сотрудничества и формирования региональной системы безопасности в странах Востока»

Аннотация. КНР в отношении ЦА долгое время проводила традиционную китайскую политику - «ждать и наблюдать». В настоящее время в стадии реализации находятся трансконтинентальные коммуникационные проекты: авто-магистраль Западная Европа — Западный Китай. Основным смыслом и целью стратегии Китая является заполнение экономического вакуума, образовавшегося после распада СССР. Впрочем, этот относится не только к Центральной Азии. В течение последнего десятилетия Китай стал ключевым, если и не напрямую, объектом анализа со стороны региональных политиков, политологов, СМИ и общественного мнения. Так называемый китайский вопрос превратился в предмет острейших политических дебатов и внутривнутриполитической полемики. Настоящей проигравшей стороной в результате российско-китайского альянса являются не государства региона, а США и ЕС.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Казахстан, Евразия, Один пояс - один путь, Евразийский экономический союз, СУАР, ШОС.

КНР в отношении ЦА долгое время проводила традиционную китайскую политику - «ждать и наблюдать». В целом Пекин долго рассматривал регион как буферную зону. Но географическая близость и новые экономические реалии, похоже, подталкивают Китай к изменению статус-кво. Это почувствовали на себе все страны региона, в отношении которых Пекин осуществляет гибкую дипломатию и проводит политику «мягкой силы» и которым в один прекрасный момент было дано понять, что их не рассматривают в качестве равных партнеров. Только Казахстан располагает особым статусом, зафиксированным в редко даруемом Китаем кому-либо титуле «стратегического партнера».

Центральная Азия, в том числе и Казахстан, являются объектами латентной конкуренции между ЕС (как одного из главных элементов т.н. коллективного

Запада) и КНР в нашем регионе, хотя и открыто не афишируют данный факт. В последней стратегии Евросоюза в отношении ЦА (2019 г.) содержится упоминание о китайском факторе. Европейский союз (ЕС) и Китайская Народная Республика — мощные торгово-экономические партнеры на мировом рынке. Общие интересы ЕС и КНР в использовании энергетических ресурсов Каспийского региона приводят к взаимовыгодному сотрудничеству двух акторов. Главное связующее звено в их сотрудничестве в Каспийском регионе — Республика Казахстан.

В настоящее время в стадии реализации находятся трансконтинентальные коммуникационные проекты: автомагистраль Западная Европа — Западный Китай протяженностью 8 700 км, проходящая через территорию Казахстана, а также железные дороги и трубопроводные сети. Перспективной является казахстанская инициатива по созданию целостной системы евразийских трубопроводов в Каспийском регионе. ЕС признает, что страны Центральной Азии обладают для него стратегической значимостью как в геополитическом контексте — например, в связи с развитием инфраструктурного проекта Китая «Один пояс — один путь», так и в вопросе поддержания безопасности в условиях нестабильности в Афганистане.

Тем не менее, Китай успешно ведет себя в тех сферах, где отсутствие России очевидно, это финансы и банковская сфера. Из последних сил Москва удерживает контроль над экспортом углеводородов, атомной промышленностью и электроэнергетикой. Но на геополитическом уровне Москва и Пекин находят много общих точек соприкосновения: оба заинтересованы в стабильности в регионе и сокращении западного влияния. Однако на экономическом уровне интересы обеих держав уже начинают приходить в столкновение. В первую очередь это относится к конкуренции за подземные ресурсы.

Несмотря на сохраняющееся предубеждение к Поднебесной среди элит и политических кругов региона, никто сегодня не может в открытую выражать антикитайские взгляды. В экономике, где напрямую интересы различных групп зависят от происхождения внешнего инвестора или партнера, антикитайские и прокитайское размежевание более очевидно, хотя и тщательно скрывается. На уровне силовых структур и секретных служб подозрения в адрес Китая крайне живучи и, по-видимому, поощряются сверху.

В Казахстане в целом преобладают антикитайские настроения, в то время как в Таджикистане и Киргизии — больше прокитайские. Россию в регионе могут критиковать, Запад — не любить, но Китай — ненавидеть. Китай ведет тонкую игру в регионе. Пекин вовсе не стремится вытеснить Россию из ЦА в качестве гаранта безопасности региона. Наоборот, Китай вполне устраивает, что Москва несет основные финансовые расходы за поддержание стратегического баланса в регионе. Однако, если в один прекрасный момент Пекин поставит своей целью вытеснение Москвы с первых ролей в регионе, он может натолкнуться на

ожесточенное сопротивление со стороны России. При этом Пекин ловко маскировал свою политику по сдерживанию Запада, оставляя Москве играть неблагоприятную роль антизападной силы в регионе.

Китай, возможно, и не стремится построить империю в Центральной Азии, но это единственная держава, действующая здесь комплексно и с расчетом на долгосрочную перспективу. Некоторые американские стратеги, в частности Роберт Каплан, писали, что возможная холодная война с Китаем будет менее обременительной, чем советско-американская, поскольку для нее потребуются лишь военно-морская составляющая. Но при этом упускается из виду огромная территория Центральной Азии, где Китай укрепляет свои позиции, неожиданно-негаданно превращаясь в империю.

На протяжении большей части своей истории Китай экономически был сугубо сухопутной державой. И сегодня подъем Китая в геополитическом смысле ярче всего проявляется на суше - в Евразии, вдали от мощи Тихоокеанского флота США и от тихоокеанских союзников Вашингтона, а также вдали от сферы влияния других азиатских держав, таких как Индия. Поэтому западным политикам следовало бы стряхнуть пыль со старых работ сэра Х.Маккиндера, который утверждал, что самым важным из всех географических регионов планеты – осью мира – является Центральная Азия. Деятельность Китая в Центральной Азии естественно привлекала внимание исследователей и к ШОС. Это единственная региональная организация, созданная и возглавляемая Китаем (до провозглашения проекта ОПОП), что лишний раз подчеркивает важность для Пекина этого региона, примыкающего к Китаю на западе.

Исторический контекст

Данную тему - Центральная Азия и Шелковый путь - еще в 2017 г. задала монография австрийского историка-экономиста Стефана Баризица (старшего экономиста Австрийского национального банка) «Центральная Азия и Шелковый путь: подъем и упадок на протяжении нескольких тысячелетий». Поскольку данная книга выпала из наших предыдущих обзоров, пусть и с опозданием, но представим ее нашей академической общественности.

Автор представляет свой труд как изложение древней и средневековой экономической истории Центральной Азии в качестве неотъемлемого элемента Шелкового пути на протяжении многотысячелетней истории. Как и принято в изданиях этого устаревающего мейнстрима, основное предназначение Шелкового пути автор видит в историческом предназначении центральноазиатских номадов в обеспечении торговых, материальных и культурных контактов между Востоком и Западом. Причины упадка данного явления исследователь видит в роковом сочетании внутренних и внешних факторов. Хронологически он увязывает этот процесс с экспансией китайского и российского колониализма в XVIII-XIX вв.

С.Урбанский (Германский исторический университет, Вашингтон) издал на рубеже двух годов монографию «За степными границами: история китайско-российской границы». Автор считает формирование китайско-российской границы уникальным историческим явлением, которое положило водораздел не только между двумя державами и империями, но и цивилизациями – европейской и азиатской. В Центральной Азии сначала столкнулись интересы Российской и Цинской империями, а позднее – Советского Союза и КНР (и почему-то, считает автор, Японии). Регион первоначально положил фундамент дружбы и военно-стратегического союза двух социалистических держав, а затем стал яблоком раздора и взаимного соперничества и ненависти.

Автор начинает свое исследование с истории казацкой экспансии как основного инструмента российской экспансии в Азии. Он уделяет особое внимание роли железных дорог и погони за природными ресурсами (золотыми приисками) со стороны России. Когда в 1917 г. в России произошла антикапиталистическая революция, молодая Китайская Республика потребовала от Петрограда КВЖД, но к 1920 г. стало ясно, что Советская Россия, провозгласившая курс на антиимпериалистическую борьбу, намерена оставить за собой контроль над стратегической железнодорожной линией. Хотя в своей работе С.Урбанский уделяет в основном внимание региону Забайкалья, Монголии и Маньчжурии, он касается периодически проблемы советско-китайской границы в Центральной Азии.

Историко-этнографическое исследование Куанмина Кима «Пограничный капитализм: продукция Туркестана, серебро Цинов и рождение восточного рынка» рассматривает торгово-экономические отношения между Восточным Туркестаном и Китаем на основе китайских источников, начиная с XVI века. В книге демонстрируется подъем производящей экономики региона на основе роста продукции, интенсификации товарного обмена и притока серебра из Китая в рамках данных процессов. При Цинском Китае привязанность китайского рынка к синьцзянскому стала еще выше. Возможно, делается предположение в исследовании, данный факт привел к экономическому слиянию империи с «Западным краем» задолго до формального завоевания цинами этого региона. В любом случае, Пекин был заинтересован в прекращении оттока серебра из империи, т.к. Восточный Туркестан был связан торгово-экономическими отношениями с другими рынками – среднеазиатским, российским, иранским и ближневосточным. Востребованность в китайском серебре была налицо, особенно на фоне утечки благородного металла в руки британских торговцев опиумом после известных войн европейцев с цинской монархией. Таким образом, мы имеем дело с еще одной версией событий, связанных с отношениями Поднебесной со своей будущей самой неспокойной провинцией.

Книга Г.Кройцмана «Вопросы Хунзы: разграничение и упорядочивание между древним и новым Шелковым путем» является завершением трилогии о

Внутренней Азии. Долина Хунза и соседний Нагар относятся к региону Каракорума. Автор рассматривает эту часть Северного Пакистана, которая интегрировалась в эту страну в 1974 г., после строительства известного шоссе в 1978 г., как основу будущего китайского проекта «Один пояс, один путь» и формирования китайско-пакистанского экономического коридора. В книге рассматриваются четыре направления: дороги и инфраструктура, экология и ресурсы, основные геополитические игроки и их сферы влияния, формирование исторических и политических мифов. Автор прибегает к смелым историческим параллелям из эпохи Британской Индии и «Большой игры» XIX века. То, что в свое время не удалось довести до конца Британии (проложить экономический коридор в Китай), уже в XXI веке создают КНР и Пакистан. Книга носит энциклопедический (с исторической точки зрения) характер и богато снабжена иллюстрациями и фотографиями 1880-х гг.

Исследование советского и азербайджанского историка, доктора исторических наук, профессора и политического деятеля, председателя Национального совета демократических сил, бывшего депутата парламента Азербайджана Джамиля Поладхан оглы Гасанли посвящена относительно недавней истории соседнего с нами региона – Восточного Туркестана или Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР КНР).

Дж.Гасанлы воссоздал интересную картину советской политики вдоль южных границ в период Второй мировой войны и в первые годы холодной войны. Две монографии автора из этой серии, изданные в России, США, Турции и Иране, посвящены иранскому и турецкому кризисам холодной войны. Настоящая монография завершает эту серию. В ней рассмотрены явные и тайные моменты советской политики, проводившейся на протяжении почти 20 лет в западной китайской провинции Восточный Туркестан (Синьцзян). Автором обнародованы география и эпизоды холодной войны на Среднем Востоке. В монографии последовательно рассмотрены такие политические вопросы, как активизация СССР в Синьцзяне в 1930-е годы, включение региона в орбиту советской политики и даже управление Восточным Туркестаном в определенные моменты. Автором вскрыты секретные стороны московской политики в отношении китайской провинции Синьцзян и доказано, что главным архитектором этой политики являлся лично Сталин.

В книге в хронологической последовательности исследованы революционные события на севере провинции в 1944–1949 годов, мусульманское национальное движение и деятельность Восточно-туркестанского национального правительства. Данное исследование в ракурсе синьцзянских событий представляет читателям советско-китайские отношения 1930–40-х годов прошлого столетия под новым углом зрения. В книге впервые в научный оборот введены документы советских политических и дипломатических органов, а также органов безопасности, связанные с политикой СССР в отношении Синьцзяна и

хранящиеся в различных архивах Российской Федерации, в фондах Национального управления архивов и документации США. Книга предназначена для специалистов в области международных отношений, историков, студентов гуманитарных вузов, всех интересующихся неизвестными подробностями недавней истории.

Современная политика КНР в Центральной Азии

Среди «юбилейных» изданий заслуживает внимания специальный доклад журнала «Эксперт» «Центральная Азия: 30 лет независимости». В работе над докладом принимали участие ведущие политологи, социологи и экономисты, специализирующиеся на проблематике данного региона из России, США, Китая, Индии и др. Его авторы проделали огромную работу, собрав большую статистику и обширный фактографический материал, дополнив все это воспоминаниями непосредственных участников исторических процессов тех лет, а также мнениями авторитетных специалистов. В итоге получился подробный и вместе с тем наглядный анализ сложных и противоречивых событий минувшего тридцатилетия, вписанных в локальный и глобальный контекст.

Появление Китая как важного игрока в Центральной Азии — это новое явление для этого региона в XXI веке. В первые годы независимости стран Центральной Азии китайцы довольно осторожно вели себя и считали, что Центральная Азия — это сфера влияния России и они не могут задеть интересы России. В последние 20 лет они стали более уверенными в своей силе и реализуют свои проекты в регионе, уже не оглядываясь на Россию. целом странам Центральной Азии удастся вести многовекторную политику. Отчасти потому, что позиции США в регионе ослабли и Запад уже не сильно требует изменить политическую систему стран Центральной Азии, в результате отношения между ними нормализовались.

По мнению японского исследователя Т.Уямы, Россия и Китай стремятся занять более сильную позицию в отношении Запада в глобальном плане, и иметь конфликтные отношения вокруг Центральной Азии в этом контексте обеим странам невыгодно. Поэтому страны Центральной Азии могут иметь хорошие отношения и с Россией, и с Китаем. Пока Китай признает ведущую позицию России в военно-политическом отношении, и Россия признает ведущую позицию Китая в инвестициях и торговле. Хотя путем создания Евразийского экономического союза Россия показала, что в институциональном плане Россия все же имеет большее влияние на страны Центральной Азии, чем Китай.

Даниэль Марки (Университет Дж.Хопкинса) выпустил на рубеже 2020 и 2021 гг. книгу «Западный горизонт Китая: Пекин и новая геополитика Евразии». Он является автором книги «Запутанные (или безвыходные) отношения Америки с Исламабадом: без шансов уйти из Пакистана» (2015) и с 2003 по 2007 гг. активно

сотрудничал с отделом планирования госдепа США. Новую работу Д.Марки посвятил эпохе Си Цзиньпина, когда Китай приступил к конвертации своей новоприобретенной экономической мощи в геополитическую. На это нацелена главная инициатива последнего десятилетия – «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Географически проект охватывает регионы, Южной и Центральной Азии, а также Среднего и Ближнего Востока. В структурном плане монография состоит из 6 глав: 1) Китай и новая геополитика в Евразии; 2) глобальные устремления Пекина; 3) конфликты в Южной Азии (в контексте стратегии КНР); 4) угрозы безопасности в ЦА; 5) попытки Пекина умиротворить в своих интересах Средний и Ближний Восток; 6) Американо-китайское соперничество в Евразии.

В качестве приоритетных целей Пекина аналитик ставит в один ряд такие государства как Пакистан, Казахстан и Иран, в которых существуют влиятельные политические и экономические группы и классы, связанные своими интересами с КНР. В своей ориентации и со своим сближением с Китаем они волей или неволей действуют против интересов таких держав Индия, Саудовская Аравия, Россия и США. Чтобы максимально ограничить влияние Соединенных Штатов, Пекин (совместно с Москвой) изображает в самых негативных цветах действия и политику Вашингтона в Евразии.

Таким образом, основной идеей данной книги становится противоборство в Евразии не России, как этого логично следовало бы ожидать, а КНР с США. Для приобретения стратегического преимущества в Евразии Поднебесной необходимо установить контроль в Центральной Азии, а внутри региона – над Казахстаном. Подключение к китайской сфере доминирования Пакистана и Ирана делает установление контроля над Евразией вопросом времени. В реализации своей стратегии Пекин делает ставку на те группировки внутри правящих режимов, чьи коммерческие и политические интересы завязаны на китайское присутствие, в т.ч. инфраструктурное.

Любопытно, что в заключении автор приходит к выводу о том, что слишком глубокое проникновение Китая в конечном итоге вызовет серьезные трения между евразийскими державами. Это уже давно поняли в Вашингтоне, который в последние годы целенаправленно разжигает антикитайские настроения в Центральной Азии (в т.ч. используя ситуацию в СУАР). Но у США связаны руки общим снижением американского глобального влияния. Весь вопрос в том, когда это поймут в Москве. Но автор не является специалистом по России, и вся его книга посвящена исключительно китайско-американскому соперничеству в Евразии. Исключив Россию из сферы своего внимания в этом исследовании, автор тем самым игнорирует самого главного и (пока) влиятельного игрока в военно-политической и стратегической области в Центральной Евразии.

Книга Сона Вейкина (Университет Макао) затрагивает сферу отношений Китая с Центральной Азией в контексте общего фундамента, которым автор считает Шанхайскую Организацию сотрудничества. Он также уверен, что

существование и функционирование ШОС вполне вписывается в генеральную линию стратегии КНР в отношении ЦА. В первой главе автор изучает политику Китая с соседями в целом. Вторая глава посвящена лидерству КНР в ШОС, в котором он не сомневается. Главы с 3 по 7 посвящены многостороннему анализу функционирования ШОС: институтов, внешнего позиционирования, безопасности, экономического сотрудничества и взаимодействия в области культуры и образования. В заключении эксперт делает попытку прогнозировать будущее ШОС, которое все более становится неясным по мере экспансии проекта «Один пояс, один путь».

Книга под ред. Ф.Чена (Ун-т Цинцинати) и Т.Рукер-Чен Сунни (ун-т Северного Кентукки) посвящена новому социально-экономическому и демографическому феномену постсоветской эпохи – китайской миграции в страны бывшего СЭВ и СССР. Коллективное исследование изучает данный процесс в контексте «глобализации по-китайски» и мирового подъема КНР. В работе отслеживаются причины миграции в соответствующие страны и регионы, а также условия, заставляющие или побуждающие китайцев к миграции. Авторы книги склонны отвергнуть версию, что китайская миграция носит исключительно экономический характер. Вторая часть книги посвящена миграции в Центральную Азию, а отдельная глава – миграции в Казахстан (материалы подготовлены Е.Садовской). В монографии рассматриваются также отношения внутри социальной структуры мигрантов, среди которых выделяются торговцы, рабочие и т.н. институциональные инвесторы. В результате авторы, изучая движение китайских мигрантов в ЦА, выделяют новый конструкт, назвав этот феномен «новой китайской миграцией».

«Один пояс, один путь» и стратегия Китая

Книга Тима Уинтера (Университет Западной Австралии) «Геокультурная держава: поиск Китаем возрождения Шелкового пути для 21 века» посвящена, как явствует из названия, попыткам КНР реализовать проект «Один пояс, один путь», в качестве прообраза для которого используется исторический миф о Великом Шелковом Пути.

С композиционной точки зрения монография состоит из семи глав, шесть из которых носят исторический характер. С материальной точки зрения исследуются пути перевозки шелка и фарфора; с культурной – влияние и взаимодействие различных цивилизаций. Автор считает, что проект («мечта об интегрированной Евразии», по выражению автора) носит экстраординарный характер стратегического масштаба, поскольку вместе со своей морской составляющей затрагивает торговые, энергетические, финансовые и культурные связи огромных пространств Евразии и Африки, в который так или иначе входят 60 государств и две трети населения планеты. Уинтер ищет ответ на вопрос о

геокультурных последствиях проекта в исторической топографии. Речь идет о таких странах как Иран, Шри-Ланка, Кения, Малайзия, Индонезия, Пакистан и многих других. Но в основе проекта лежат, прежде всего, торгово-экономические интересы Китая.

Но для исследователя данный проект интересен тем, что в нем геополитические и геоэкономические амбиции заботливо оснащаются культурой и историей, связывая прошлое, настоящее и будущее. Тем самым Китай становится новым автором Евразийской истории и архитектором моста между Востоком и Западом. В этом основная идея данной книги. На 2022 год ученый готовит следующую монографию, посвященную связи между геокультурным прошлым и геостратегическим будущим и представляющую собой продолжение указанной работы.

В 2019 году из недр Глобального исследовательского института (Вильямсбург, США) вышел доклад «Дипломатия Шелкового пути», посвященный анализу стратегии Пекина в отношении и в сравнительной связке двух регионов – Южной и Центральной Азии. В исследовании изучаются инструменты, которые использует Китай в ходе реализации своей стратегии в рамках грандиозного проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП). Речь идет о таких государствах Южной Азии как Мальдивы, Непал, Шри Ланка и Бангладеш. В Центральной Азии в качестве предмета для изучения взяты Казахстан и Узбекистан. Авторы утверждают, что КНР располагает тремя существенными преимуществами в пользу реализации своей стратегии. К первому преимуществу они относят неисчерпаемые финансовые ресурсы и мощный строительный потенциал. Второе относится к сохраненной Пекином четкой и исполнительской организационной системе, которой подчиняются не только государственные и национальные компании, но и частные, что позволяет им выступать в слаженном ансамбле. Третье преимущество также вытекает из стабильности китайской политической системы под руководством КПК, которая дает руководству возможность реализовывать долгосрочные проекты.

Фактически, Китай в настоящее время выигрывает, по мнению авторов, соревнование за доминирование в указанных регионах у других мировых игроков – России, Индии, США и Евросоюза, а также глобальных финансовых организаций. В этом соревновании китайская сторона прибегает к самым разнообразным подходам и приемам, не брезгуя даже коррупцией. В отношении РК и РУ в докладе выделяются следующие основные пункты: Казахстан использует свое сотрудничество с Китаем, в том числе в рамках ОПОП в целях сохранения баланса в отношениях с Россией для недопущения чрезмерного доминирования РФ. Что касается Узбекистана, то на смену ни к чему не обязывающей «дипломатии улыбок» И.Каримова вместе с политикой открытых дверей, провозглашенной новым лидером Ш.Мирзиёевым, широко распахнулись двери в экономику республики для иностранных инвестиций, в первую очередь

китайских. В целом, авторы характеризуют политику Пекина в ЦА как «очаровывающее наступление» (charm offensive), ставящую цель преодолеть достаточно распространенное предубеждение в отношении целей, намерений и методов КНР в тех или иных республиках региона.

Таким образом, указанный доклад отражает нарастающую озабоченность американских и в целом западных политических и аналитических кругов по поводу растущей буквально на глазах роли Китая в Евразии, включая и те регионы, которые рассматриваются в докладе.

З.Гарсия (Военный колледж США) не новичок в синологии, являясь автором ряда книг, посвященных военному строительству в КНР и китайско-японским отношениям в сфере безопасности. В своей новой книге «Западные границы Китая и Евразия: политика регионального строительства» он связывает напрямую рост геополитических амбиций Пекина с движением в западном направлении вглубь Евразийского континента в контексте грандиозного проекта «Один пояс, один путь». Для его реализации, считает автор, Китаю необходимо решить проблему Синьцзяна и правильно расставить свои геоэкономические и геополитические приоритеты в Центральной Азии. З.Гарсия отмечает, что еще в 2013 году Си Цзиньпин озвучил намерения КНР реализовать проект по «воскрешению» Великого Шёлкового Пути в современной парадигме. В рамках проекта создаются три трансевразийских экономических коридоров – из Китая через Центральную Азию и Россию до Европы, из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря, из Китая в Юго-восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Дополняют коридоры маршруты морского Шёлкового пути – морские порты Китая соединятся через Южно-Китайское море с Южной Акваторией Тихого океана и с Европой через Индийский океан.

Даже приблизительная стоимость реализации проекта держится в тайне, но по самым «скромным» подсчётам экспертов она составляет не менее \$1 триллиона. Проект носит, в первую очередь, стратегический характер для Поднебесной, в связи с чем финансирование преимущественно осуществляется китайскими банками и фондами республики. Но в условиях замедления экономики КНР приходится искать и внешних инвесторов под столь масштабный и дорогостоящий проект. Имена инвесторов тщательно скрываются. При этом для стимуляции финансирования Китай ограничил иностранные инвестиции китайских компаний, поощряются инвестиции только от тех компаний, которые параллельно готовы инвестировать и в ОПОП.

За счёт китайских технологий, рабочих и инвестиций улучшается инфраструктура малоразвитых стран, растёт население и перспективы, однако коренное население притесняют, подавляют потоки подданных Поднебесной, большая часть рабочих мест на вновь созданных предприятиях отдаётся последним.

Важной составляющей инициативы пояса и пути является развитие инфраструктуры с целью усиления экономического сотрудничества и торговли (например, создание портовой, железнодорожной и автомобильной инфраструктуры). Реализация МШП будет способствовать как строительству портовой инфраструктуры, так и модернизации уже существующей, улучшению логистики между прибрежными и внутренними районами, созданию свободных экономических зон для активизации торговли и инвестиций. При этом, не менее значимой целью для Китая остается создание и поддержание имиджа мирно развивающегося государства, усиление которого не провоцирует региональные конфликты, а, наоборот, способствует конвергентному экономическому развитию всего региона. В этой связи руководство КНР делает ставку на концепцию соразвития и взаимовыгодной ситуации (win-win situation) для всех участников.

Но теперь, в условиях открытой вражды между КНР и США, власти республики подняли уровень стратегического значения ОПОП до высшей национальной стратегии. Таким образом, Китай планирует ускорить темпы реализации за счёт сокращения времени принятия решений и увеличения объёмов кредита. Так республика расширит своё влияние в странах-участницах инициативы, а впоследствии снизит степень торгово-экономического влияния США. Теперь же ключевым вопросом остаётся, поддастся ли Пекин давлению критиков и американских оппозиционеров к смягчению своей политики относительно ОПОП и сокращению сугубо китайских интересов в реализации проекта.

В целом, автор склонен видеть в геостратегии КНР продвижение своих границ на Запад, по аналогии с американским фронтиром в XIX веке. Эту идею он вынес в заглавие своей монографии.

Работа Дж.Гарлика «Влияние инициативы Китая “Один пояс и один путь” из Азии в Европу» (Институт международных исследований в Праге) посвящена грандиозному проекту ОПОП, без которого не обходится ни одно современное исследование, посвященное политике КНР в Центральной Азии и в целом Евразии. Исследование представляет собой анализ на макро- и микроуровне инициативы ОПОП, целью которого является создание под эгидой Китая взаимноинтегрированной Евразии через реализацию данного и единственного мегапроекта.

В качестве заслуги автора называется его новаторский подход к синкретическому изучению истинных мотивов и целей китайской политики на евразийском направлении. Это наглядно демонстрируется планом его монографии, которая разбита ученым на семь глав. В первой главе проект рассматривается в контексте всей системы международных отношений КНР. Вторая глава посвящена теоретическому обоснованию китайских претензий на глобальном, международном и континентальном уровне. Всего автор рассматривает три концепции: 1) теорию парадигмы социального

эволюционизма Тан Шипина (проф. Фуданского ун-та); 2) теорию неограмшистской гегемонии; 3) теорию наступательного меркантилизма (активно-агрессивной торговой политики). Данные теории могут стать, как по отдельности, так и сообща объяснением появления проекта ОПОП.

В третьей главе Дж.Гарлик изучает совокупное воздействие всех теорий и концепций, которое он называет «комплексным эклектизмом». Четвертая глава продолжает изучение на теоретическом уровне менее значимых концепций. В пятой главе проект ОПОП рассматривается на более практическом уровне с точки зрения его мирового значения (60 стран Азии и Европы), структуры, роли финансовых и экономических институтов, а также значения региональных форумов и личной роли лидера КНР Си Цзиньпина в продвижении его собственной инициативы по формированию ОПОП. Шестая глава рассматривает эффект и влияние ОПОП на региональном уровне, включая Центральную Азию. Регионы мира, которые по замыслу Пекина должен охватить ОПОП, включают в себя также страны ЦВЕ, ЮВА, Южной Азии и Ближнего Востока. То есть, глобальный масштаб проекта становится очевидным, хотя степень активности и вовлеченности в него различных стран и регионов не представляется столь бесспорной.

Дело в том, что многие из них уже давно являются частями других крупных международных проектов – АСЕАН, ЕАЭС и Евросоюз, а также входят в более мелкие интеграционные союзы и ЗСТ в Южной Азии и на Ближнем Востоке, и интегрированы в транспортные системы этих объединений. В седьмой главе автор фактически оставляет без ответа вопрос о будущем проекта ОПОП, признавая тем самым его геополитическую и геоэкономическую уязвимость.

Данную тему продолжил Т.Дадабаев (директор Специальной программы изучения Японии и Евразии в Высшей школе социальных и гуманитарных наук, Университет Цукуба, Япония) в книге «Континентальные стратегии Китая, Японии и Южной Кореи на Шелковом пути на примере Узбекистана». Основная цель данной книги – стимулировать дебаты между учеными и политиками о различных форматах взаимодействия и сотрудничества в Евразии. Таким образом, в поисках ответов на эти вопросы, автор пытается достичь следующих целей.

Во-первых, исследование анализирует влияние различных концепций и инициатив, предпринятых Китаем, Японией и Южной Кореей (Евразийская Дипломатия/ Дипломатия Шелковый путь Японии 1997 года, Шанхайский процесс со стороны Китая, корпоративное наступление Кореи, так называемый Шелковый путь (Инициатива “Пояс и Путь” и другие), на перспективы регионализма и регионального сотрудничества в Центральной Азии в концептуальной и теоретической сфере. Во-вторых, главная цель состоит в том, чтобы выйти за рамки простого эмпирического рассмотрения фактов, чтобы выявить последствия предложенных инициатив для более широкого теоретического обсуждения специфических форм сотрудничества в Центральной Азии, основанных на нексусе отношений, найденных в этом регионе.

Автор отмечает, что стартовые позиции Китая, Японии и Южной Кореи в центрально-азиатском регионе были несколько схожи. С другой стороны, в настоящее время, Китай вырос во вторую по величине мировую экономику: таким образом, он приспосабливается к необходимости иметь дело с меньшими соседями, такими как Узбекистан. Япония и Корея также находятся в процессе адаптации их поведения к условиям, в которых их экономическая сила по сравнению с Китаем заметно уменьшилась, в то время как они все еще видят необходимость расширения своего присутствия в ЦА в поисках новых позиций и возможностей, которые влекут за собой такие позиции. Япония находится в поисках нового места и роли в этом дружественном для Японии регионе, где есть ожидание большего японского присутствия, о чем свидетельствуют различные опросы. В случае Кореи, страна инвестировала значительные средства через свое корпоративное проникновение в ЦА и, таким образом, заинтересована в расширении своего экономического присутствия. Кроме того, обе страны участвуют в инициативах по созданию региона, таких как “ЦА плюс Япония” и форум “Корея плюс ЦА”. Несмотря на то, что данные проекты не противопоставлены китайским схемам ШОС и “Пояс и Путь”, они представляют собой попытки Японии и Кореи представить альтернативу государствам ЦА.

Центральная Азия, отмечает исследователь, зачастую рассматривается в ракурсе отношений России и Китая, а также возможной конкуренции между ними. В последнее время часть Центральной Азии рассматривается в международных отношениях как регион амбиций Китая и инициатив нового Шелкового пути, что также меняет фокус исследований и больше уделяет внимание инициативе Китая, а не целям стран Центральной Азии. Регион Центральной Азии остается маргинальной частью Азии в силу своих ограниченных преимуществ и географических условий.

Когда транспортные сети и постоянно растущая экономическая мощь Китая начали демонстрировать признаки более крупного проникновения китайских корпораций на рынки Центральной Азии и, казалось, были выгоднее Китаю, чем партнерам из ЦА, китайские проекты стали представлять проблему для государств-участников. Япония и Южная Корея демонстрируют тенденцию по-разному концептуализировать свое видение участия в процессах в ЦА, таким образом, оспаривая китайские и российские региональные конструкции.

Автор уверен, что Китай, Япония и Южная Корея рассматривали Центральную Азию как новый, и возможно, последний азиатский рубеж в их внешней политике за последние несколько десятилетий после распада СССР. Для этих стран Центральная Азия представляла собой территорию, где они ранее не были активными. Кроме того, внешние политики данных государств в этом регионе, по крайней мере, первоначально, не имели каких-либо конкретных задач и конечных целей, а скорее были сосредоточены на решении проблем и вопросов, оставшихся в наследство от советского прошлого ЦА.

Японская стратегия привлечения данных государств столкнулась с рядом проблем, включая географическую отдаленность от региона, ограниченное проникновение корпораций в ЦА и отсутствие четко определенной стратегии. Южная Корея так же далека от стран Центральной Азии и не имеет транспортной инфраструктуры в и из рынков ЦА. Кроме того, инфраструктура, связывающая Сеул с Евразийским регионом, зависит от улучшения его связей с Северной Кореей.

Исследователь считает, что Шелковый путь и другие проекты являются социальными конструкциями внешних политик различных стран, которые были сформулированы ими вследствие ответной реакции на меняющуюся внешнюю и внутреннюю конъюнктуру. В конечном итоге автор считает, что относительно недавно ставшая популярной китайская риторика Шелкового пути не является определенной доктриной внешней политики (с заранее определенными конечными целями и задачами), а скорее является стратегией взаимодействия (поведения), которую легче понять и принять целевой аудитории в лице стран-участниц. Эта риторика позитивно воспринимается из-за напоминания об исторических торговых путях и создаваемого имиджа важности всех, даже самых маленьких государств-участников.

Одним из самых интересных моментов касательно китайской стратегии Шелкового Пути (и ее российской альтернативы) является то, что она сочетает в себе как деколонизирующий, так и неокolonизирующий (в плане возможного экономического доминирования) потенциал в отношении стран Центральной Азии. В то же самое время, Япония и Корея подчеркивают только деколонизирующий потенциал своего вовлечения в регион, таким образом, используя отсутствие неокolonизирующих характеристик в их форматах сотрудничества как сравнительное преимущество.

В заключении, автор хотел бы заострить внимание на том, что успех или провал вовлечения и взаимодействия в большей степени зависит от способностей стран Центральной Азии принять предлагаемые форматы сотрудничества и использовать их себе на благо. Надежда на то, что Россия, Китай и другие страны будут заботиться об интересах центральноазиатских стран в лучшем случае наивна и нуждается в критическом переосмыслении.

Исследование Сванте Корнелла (дир-р Института Центральной Азии и Кавказа, Вашингтон) и Никласа Сванстрёма (дир-р Института политики безопасности и развития) «ЕС и инициатива Китая “Один пояс, один путь”» посвящено всестороннему изучению последствий реализации проекта ОПОП для Европейского союза. Многоаспектный анализ включает в себя изучение транспортных, финансовых и стратегических вопросов, связанных с данным китайским проектом. Из семи разделов работы нас интересует третий, посвященный прохождению коммуникаций и строительству объектов в Евразии и Центральной Азии.

Авторы отмечают, что исследуют проект ОПОП исключительно под углом зрения европейских интересов. Они пытаются понять структуру, механизм и истинные цели и задачи этого проекта. Также эксперты делают попытку сравнить интересы ЕС и КНР и их совместимость в рамках ОПОП. В этом смысле у них возникают справедливые сомнения в эффективности проекта в Евразии, в первую очередь для Центральной Азии и Афганистана. В целом ОПОП отвечает европейским интересам, т.к. ослабляет доминирование России в Евразии и формирует доступные (геополитические) ресурсы для Евросоюза, который сам не может по тем или иным причинам использовать их напрямую.

С формальной точки зрения целью ОПОП является создание прямого экономического коридора из Китая в Европу. В этой связи ключевую роль играет пункт Хоргос на казахстанско-китайской границе, который авторы называют уникальным «сухопутным портом» и высоко оценивают его значение для реализации ОПОП. Инструментом процесса проникновения является массированное участие Китая в реабилитации и реставрации существующих, а также в строительстве новых железнодорожных и автомобильных путей. Как и Запад, но только по своим причинам, Китай рассматривает Центральную Азию не как изолированный регион, а как часть - совместно с Афганистаном и Пакистаном – своих «западных ворот» и многообещающий экономический коридор.

Поэтому, приходят к выводу авторы, истинной целью китайского проекта ОПОП является проникновение через ЦА и выход торгово-экономической мощи КНР к побережью Арабского моря, Ирану и на Ближний Восток, и только с этого плацдарма – в Европу. В этой связи Пекин уделяет важное внимание государствам Центральной Азии, Афганистану и Пакистану как ключевому связующему звену. Но именно на этом поле коллективный Запад способен оказывать стратегическое давление на ход и реализацию этого геополитического проекта КНР, используя свое присутствие, включая военно-стратегическое, в этих регионах. Следствием развития процессов в этом направлении станет новое издание «Большой игры» через ускоренное размежевание взаимоисключающих интересов Китая и России – с одной стороны, ЕС и США – с другой.

Проблема Синьцзяна для китайской политики в ЦА

Книга Тимоти Гросе (Ин-т технологии им. Р.Хульман, США) со сложным для перевода и понимания названием «Переговоры о неотделимости: Синьцзянский класс и динамика уйгурской идентичности» сразу же вызвала к себе интерес в виду того внимания, которое в последние годы привлекает СУАР и проводимая центральным правительством политика в этом регионе. Под термином «Синьцзянский класс» понимается программа для учащихся старших классов и студентов из СУАР, преимущественно этнических уйгуров. Они проходят обучение в восточных населенных ханьцами провинциях КНР. Автор в

своей работе ставит политическую задачу раскрыть стратегические цели по подготовке лояльных и пропитанных китайской культурой представителей уйгурской молодежи. Окончательной задачей Пекина является, по мнению автора, разрушить границы внегосударственной уйгурской идентичности, базирующейся на этнической и религиозной идентичности. Но при этом он отмечает, что насаждение ценностей имперского Китая и светской компартии не означает этнической ассимиляции. Т.Гросе в ходе анализа выясняет, что, несмотря на давление властей, большинство окончивших программу сталкивается с выбором остаться внутри своей общины, чтобы служить КНР, КПК и центральной власти на местах, или использовать ее как стартовую площадку для вхождения в глобальное транснациональное исламское сообщество. Те, кто остаются в стране в качестве полудояльных Китаю граждан неизбежно сталкиваются с разочарованием, внутренней фрустрацией и психологическим дискомфортом. Исследователь делает вывод, что программа «Синьцзянский класс» направлена на формирование будущей когорты уйгурской элиты, которая будет благодарна КПК и будет поддерживать идею единства нации ("minzu unity").

Сохраняет свою актуальность проблема изучения текущей и традиционной политики Пекина в Синьцзяне, которая дает возможность Западу (наряду с вопросами Гонконга и Тайваня) продолжать нападки на внутреннюю и национальную политику КНР. Не является исключением и монография Шина Робертса «Война с уйгурами: внутренняя кампания Китая против мусульманского меньшинства». Данная проблема напрямую затрагивает и Казахстан, где существует своя уйгурская община, не говоря о наличии казахских соплеменников в СУАР, которые якобы также подвергаются преследованиям в форме антирелигиозного воспитания.

Автор связывает начало широкомасштабной антиуйгурской кампании после событий 11 сентября 2001 г. и начала глобальной войны с террором, тем более, что по стране тогда прошла волна терактов. Ш.Робертс показывает, как под вывеской антитеррористической кампании руководство КНР пытается изменить уйгурскую национальную идентичность. Основным инструментом такой политики – т.н. лагеря перевоспитания. В качестве грехов китайской администрации называются вмешательство в воспитание детей (запрет на участие в религиозных ритуалах), аресты деятелей культуры и интеллигенции, трудовые программы в текстильной и швейной отраслях с использованием дешевого труда (СУАР производит 7% мирового урожая хлопка).

Работа состоит из шести глав. В первой рассматривается китайский колониализм в период с 1759 по 2001 гг. Вторая глава "Как уйгуры стали «террористической угрозой» посвящена собственно адаптации Пекином глобальной войны с террором в своих целях. В главе «Мифы и реальности террористической угрозы и ее ассоциации с уйгурами» освещает деятельность боевиков уйгурского происхождения из Туркестанской исламской партии в

Сирии, Афганистане и других регионах. Четвертая глава носит название «Колониализм смыкается с контртерроризмом» и в большей степени показывает преобразование Синьцзяна и его городов под воздействием китайской модернизации. Пятая глава «Народная война с террором» в 2013-2016 гг. показывает реакцию китайцев на протестные акции в Пекине (самосожжение уйгурской семьи 20 октября 2013 г.). Завершает книгу глава «Культурный геноцид 2017-2020 гг.», где доказывается, что геноцид это не только физическое истребление, но и разрушение культуры той или иной нации или этнической группы, в данном случае уйгурской.

По подсчетам исследователя, в той или иной форме репрессии затронули свыше одного миллиона человек (фигурирует даже неподтвержденная цифра в 3 млн. чел.). Начало массовой кампании против уйгуров, которая ранее носила спорадический и реактивный характер как реакция на отдельные теракты, в книге относится к 2017 году. В сфере начального и среднего образования большое значение придается китаизации и изучению китайского языка. В заключении автор называет происходящее гуманитарной трагедией, построенной на комбинации колониализма и контртерроризма».

Другой книгой, затрагивающей отношения Центральной Азии с Китаем (через фактор СУАР), является монография В.А.Клиновского «Политико-правовая история языковых реформ в КНР» в серии изданий ИДВ РАН. В монографии проводится анализ языковых реформ в Китайской Народной Республике. Автор исходит из того, что сегодня на территории Китая проживает большое количество признанных или непризнанных официально национальными меньшинствами народов. Некоторые из них имеют почти такую же древнюю историю, как и ханьцы. На протяжении многих веков отношения китайцев с этими народами были весьма противоречивыми и часто враждебными.

В развитии курса языковой политики КПК в отношении языков малых народов четко выделяются три последовательных стадии: 1) этап плюрализма (1949—1957 гг.); 2) этап языкового монополизма (1958—1978 гг.); 3) этап аккомодационизма, для которого характерно относительное уравнивание в правах общеупотребительного языка и языков национальных меньшинств (с 1978 г. до наших дней).

В 1953 г. 93% населения Синьцзяна составляли неханьские народы, начинает автор. В декабре 1958 г. на одиннадцатой Всекитайской конференции Единого народного фронта было объявлено о том, что «Социалистические отношения между народами страны стремительно развиваются... Интеграция между ними усиливается». В связи с началом кампании «Большого скачка», связанной с проведением реакционной политики леворадикальной партийной верхушкой, национальные различия в Китае были объявлены преодоленными, и кампания по развитию национальных письменных систем пошла на спад. Ситуация еще больше усугубилась после вооруженного восстания в Тибете в марте 1959 г.

К середине 1990-х годов во внутренних районах страны переход на билингвальное образование был в основном закончен. Однако в приграничной зоне это было сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с нежеланием местного населения обучаться китайскому языку или тем более на китайском языке. Главной особенностью политики КНР в отношении языков национальных меньшинств является ее прочная связь с национальной политикой государства.

Проиллюстрировать эту ситуацию автор предлагает на примере языкового планирования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Со времен образования КНР в этом регионе, достаточно остро стоит национальный вопрос. В нем традиционно проживают национальные меньшинства, ранее имевшие достаточно слабые контакты с ханьцами, весьма различные по этническому происхождению, относящиеся к разным религиозным конфессиям (хотя преимущественно это мусульмане) и говорящие на различных языках. На современном этапе в рамках многонационального государства, коим сейчас является Китай, любые этнические группы, будь то малочисленные народы или титульная нация, наделяются равными правами: правом на собственную историю и культуру, правом на свободу вероисповедания и так далее. Следует сразу же отметить, что в КНР во второй половине XX в. эти права в основном не ущемлялись сколько-нибудь серьезным образом. Исповедуя идеологию атеизма, китайское руководство, как правило, не навязывало малым народам какие-либо религии и не пыталось искоренять существующие. Так же не отмечалось за этот период масштабных преследований на национальной почве. Однако в других областях культуры отношения китайцев и соседних народов складывались не всегда гладко.

В 50-х годах XX в. Восточный Туркестан (а ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район) был окончательно присоединен к территории Китая. Тюркские народы Синьцзяна, а это большей частью уйгуры, имеют длительную историю и богатые культурные традиции. Естественно, что при новых порядках в условиях коммунистической диктатуры маоистов все они столкнулись с необходимостью мириться с новой идеологией. В первые десятилетия существования КНР западные национальные автономии долгое время не ощущали на себе культурного давления со стороны ханьского этноса в связи с низким уровнем индустриализации и неразвитостью коммуникаций. Но ситуация изменилась с принятием курса на экономическое развитие этих регионов и началом массовых переселений туда китайцев из восточных районов в 1980-х годах. В это время жители национальных автономий на западе страны стали постепенно ощущать на себе интенсивное влияние китайской культуры. Оно, помимо прочего, состояло в том, что местные языки стали, так или иначе, вытесняться китайским.

Исследователь исходит из того, что этнополитические конфликты в Западном Китае, в том числе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеют в основе спорный вопрос о принадлежности этих территорий. Идея независимости

Синьцзяна, который выпал из состава Китая после падения династии Цин и был заново включен в него фактически насильственным путем, активно пропагандируется отдельными группами лиц и политическими деятелями как в самом Китае, так и за рубежом (преимущественно в исламских государствах). Территория Восточного Туркестана впервые была присоединена еще во II в. до н.э., но после каждого распада китайского государства откалывалась, и суверенитет над ней следующим династиям приходилось восстанавливать военным путем. Народы, населявшие регион в разные исторические эпохи, всегда стремились к независимости от Китая.

Конфликт уйгуров и китайцев принял открытый характер в середине 1990-х годов, затем, после десятилетнего затишья, вновь обострился в конце 2000-х. Руководство КНР, естественно, осознавало неустойчивость положения и принимало различные меры для предотвращения кризисов. Прежде всего, усилия направлялись на экономическое развитие региона с целью создать в нем такие условия жизни, при которых у населения не было бы причин желать дестабилизации. Стремясь осуществить это в кратчайшие сроки, руководство КНР, не тратя времени на подготовку квалифицированных специалистов в самом регионе, направляло их в Синьцзян из других провинций. Этот шаг многие восприняли как попытку этнической ассимиляции местного населения. Однако для нее всегда необходимо некоторое культурное взаимопонимание между народами. На деле уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. Кроме того, общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, являющиеся носителями разных диалектов, используют путунхуа.

Китайцы, проживающие в национальных автономиях, по закону не обязаны изучать языки коренного населения. Исключение составляют только лица, состоящие на службе в государственных органах. Но абсолютное большинство их попросту игнорирует это требование. Все это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами. Еще одним результатом претворения в жизнь плана по переходу национальных автономий на двуязычное образование, по мнению автора, является то, что высшее образование в ВУЗах страны осуществляется с начала XXI в. только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению представителей коренных народов, обучающихся в университетах.

При этом нельзя сказать определенно, осуществляют ли китайские лидеры осознанный лингвистический или, пытаясь способствовать развитию культуры малых народов, неожиданно создают для себя побочную проблему. В любом многонациональном государстве наблюдаются сходные процессы. Однако при этом далеко не всегда это ведет к открытому выражению протеста представителями различных этнических групп. Здесь играет свою роль уровень

культурного самосознания народа. И если говорить о коренном населении Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, то уровень его культурного самосознания весьма высок.

В целом, политика КНР в этой области носит двойственный характер. Государство придерживается официального курса на сохранение и развитие культуры малых народов и законодательно закрепляет их лингвистические права. Но при этом проведение такого курса пересекается с интересами государства в сфере национальной политики, в результате чего происходит сужение функциональной сферы применения языков. Таким образом, заключает автор, политика КПК в отношении языков малых народов прошла в своем развитии несколько последовательных этапов, на каждом из которых ее идейные основы значительно менялись.

Китай и Евразия

Работа «Китай и Евразия: пересмотр сотрудничества и противоречий в эру меняющегося мирового порядка» под ред. М.Саакяна (дир-р Совета Китай-Евразия по политическим и стратегическим исследованиям Армении) и Г.Гертнера (Департамент политических исследований Венского университета) продолжает тему расширяющегося китайского присутствия в Евразии. Один из руководителей проекта М.Саакян уже обращался к данной теме в своей персональной монографии «Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и Армения», сфокусированной на его родине и регионе Южного Кавказа. В работе проанализировано влияние инициативы «Один пояс, один путь» на мировое политико-экономическое положение, а также дана оценка вышеупомянутой инициативе с точки зрения национальной безопасности Китая. Целью работы является составление стратегической «дорожной карты», посредством которой государства Евразии могут быть вовлечены в китайский политико-экономический проект, содействуя политическому, военно-техническому, финансовому и экономическому сотрудничеству между Китаем и евразийским пространством.

Книга состоит из пяти частей, где первая посвящена собственно постановке проблемы соотношения Китая, Евразии и нового мирового порядка. Вторая часть охватывает проблематику транспортных коммуникаций между КНР и странами Евразии. В третьей части отдельно рассматривается китайско-российское сотрудничество с учетом наступления нового мирового порядка и взаимодействия в рамках двух проектов – российского (Большая Евразия) и китайского (ОПОП), а также двух организаций – ЕАЭС и ШОС. Четвертая часть рассматривает место Евросоюза, Западных Балкан, Южного Кавказа и ОПОП в рамках евразийской интеграции. И наконец, пятая часть изучает взаимоотношения Китая с растущими экономическими державами Азии – Советом сотрудничества стран Персидского залива и треугольником АСЕАН-КНР-Индия.

В целом, данная проблематика достаточно подробно изучалась в других изданиях, которых мы касались ранее. Авторы данного издания специально останавливаются на позициях средних и малых стран в отношении китайского проекта ОПОП и специфике их интересов и целей. Представляет интерес анализ авторами методов действующих акторов. Так, формирование многополярного мира в Китае видится посредством укрепления связей с Евразией, в России – через Азию; и оба демиурга евразийской интеграции намерены максимально задействовать такие региональные институты как ЕАЭС и ШОС, а также взаимодействие на двустороннем уровне – РФ-ЕАЭС, РФ-ШОС, КНР-ЕС, КНР-АСЕАН и др.

Данное издание – «Одна Евразия или множество?», написанное Александром Либманом (Свободный университет, Берлин) и Евгением Винокуром (Евразийский банк развития), посвящено экономическому разнообразию Евразии, региональному взаимодействию и различным проектам, призванным объединить Евразийский континент. Авторы в своих выводах относят большинство проектов к «дискуссионным клубам», которые ограничиваются прожектерством или декларациями о намерениях. Наилучшие перспективы для реализации крупного евразийского проекта, как считают исследователи, открываются перед китайской инициативой «Один пояс, один путь». Но главным препятствием на пути формирования единой Евразии они видят в многоплановом кризисе, вызванный пандемией коронавируса.

В начале 2022 г. Российский совет по международным делам опубликовал два небольших обзора по Центральной Азии (но датированы 2001 годом). Первое посвящено использованию экономической и финансовой помощи в качестве инструмента укрепления геополитического влияния самых разных акторов. Работа представляет интерес своим сравнительным анализом. Проведенный анализ показал, что в регионе ЦА в сфере помощи развитию действуют несколько основных самостоятельных игроков: Китай, США с дружественными донорами и контролируемые многосторонними организациями, Турция и Россия. Целеполагание деятельности Китая и Турции, как считают эксперты РСМД, оформленное в терминологию «возрождения» экономического и политического влияния донора, является по сути реваншистским.

По мнению российско-китайского тандема авторов, общие интересы России и Китая в Афганистане и сопредельных странах Центральной и Южной Азии состоят в следующем. 1. Нейтральность Афганистана и отсутствие на его территории иностранных войск. 2. Фактор Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Как союзник по ОДКБ, Россия гарантирует их безопасность, а также имеет на их территории военные базы. 3. Россия заинтересована в борьбе с возможными террористическими угрозами. Существует угроза возвращения боевиков с Ближнего Востока и Афганистана через Центральную Азию в Россию.

Для КНР актуально просачивание боевиков в Синьцзян по тем же потенциальным коридорам.

4. Два центральноазиатских государства — Казахстан и Кыргызстан — являются членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Китай заинтересован в стабильном развитии стран Центральной Азии, экономически, культурно и исторически тесно связанных с СУАР. Особенно это проявляется в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь». 5. Таджикистан и Узбекистан, связывают с Россией существенные миграционные потоки. На территории стран Центральной Азии живет много уйгуров, а в СУАР много представителей центральноазиатских народов — прежде всего казахов и киргизов. Поэтому негативные тенденции, связанные с Афганистаном, могут повлиять и на эту систему связей.

Что касается внутривнутриполитической обстановки, существуют два высоковероятных сценария, которые можно условно назвать «сильные талибы» и «слабые талибы». При этом оба сценария могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для России, КНР, других региональных держав и всего мирового сообщества. По вопросу афганского кризиса Китай придерживается принципа уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности Афганистана, а также уважает право афганского народа на самостоятельное управление государством. Россия и Китай как великие державы должны сыграть особую роль в укреплении гуманитарного сотрудничества.

В серии монографий Института Дальнего Востока ряд работ затрагивает центральноазиатскую проблематику. В частности, к ним следует отнести книгу Н.В.Прохоровой, посвященную водной политике КНР. В ближайшее десятилетие дефицит воды в КНР ещё более обострится. По оценкам экспертов, к 2030 г. КНР будет импортировать из за рубежа не менее 240 млрд. куб. м воды. Земледелие и скотоводство на севере и северо-западе не могут обойтись без искусственного орошения и дополнительного водоснабжения. Данный фактор уже не первое десятилетие напрямую затрагивает Казахстан. Это заставляет китайцев разрабатывать новые проекты, способные снизить напряжённость в водном вопросе.

У КНР существуют планы по увеличению численности населения СУАР за счет переселения в этот регион этнических ханьцев, а также планы по усилению промышленной базы Синьцзяна и увеличению орошаемых площадей до 600 тыс. га. Решить эти задачи планируется путем забора до половины стока трансграничных с Казахстаном рек Иртыш, Или и др. (всего у Китая и Казахстана 23 трансграничных водотока). Это вызывает серьезные опасения Казахстана за сохранность своей природы. Поскольку до 70 % стока этих рек формируется на китайской территории, практикуемая Китаем схема водопользования вызывает серьезное беспокойство у Казахстана, который еще с начала 2000 х гг. активно пытается согласовать с КНР договор о водodelении. И только в 2009 г. во время

визита Ху Цзиньтао в Казахстан казахской стороне было дано понять, что Китай также осознает необходимость подобного договора. Автор обращает внимание, что в настоящее время отмечается положительная динамика в разрешении вопросов о водodelении между Казахстаном и Китаем: в 2013 г. было объявлено о создании рабочей группы по вопросам водodelения между двумя странами. В 2015 г. водохозяйственные органы начали переговорный процесс по согласованию проекта соглашения между правительствами двух стран о водodelении трансграничных рек. Ранее стороны сосредоточились на завершении научных изысканий по оценке водных ресурсов двух стран, что должно послужить основой разработки Соглашения по водodelению между Казахстаном и Китаем. Следует заметить, что в сферу влияния казахстанско-китайских переговоров косвенно вовлечена и Россия, так как на ее территорию из Казахстана вытекает река Иртыш, берущая начало в Китае. Но Китай придерживается тактики двухсторонних договоренностей.

Со стороны Китая необходимость подписания договора о водodelении с Казахстаном продиктована, прежде всего, поддержанием экологического баланса в регионе, из-за нарушения которого у КНР могут возникнуть проблемы — в случае, если соль от иссыхающего озера Балхаш в Казахстане станет распространяться по ветру и дойдет до ледников Тянь-Шаня. Осевшая на них соль будет способствовать таянию ледников, что негативным образом отразится на экосистемном балансе КНР

Справедливости ради следует признать, подчеркивает Г.Прохорова, что для поддержания и защиты экологии в регионе с китайской стороны делается многое. Уровень взаимодействия Китая с сопредельными государствами по использованию трансграничных водотоков за последние 25 лет значительно продвинулся. В настоящее время КНР разрабатывает проекты сотрудничества с соседними странами, подразумевающие доступ Китая к зарубежным водным ресурсам.

В проекте «Экономического пояса Шёлкового пути» внимание общественности в основном сосредоточено на его сугубо экономических составляющих, и крайне редко говорится об экологических программах Китая, связанных с этим проектом. Основная ветвь западного направления Шелкового пути проходит через Синьцзян Уйгурский автономный район. В пределах СУАР за счет таяния снегов в горах формируется более 570 малых рек. Синьцзян занимает в стране первое место по запасам воды в ледниках. В настоящее время многие китайские СМИ проводят идею о том, что для процветания СУАР следует создать масштабную сверхуровневую (не ограничивающуюся в рамках административно-территориальных образований) гидрографическую сеть.

Она должна состоять из каналов по переброске воды (закрытых, открытых, осуществляемых путем самотека или с помощью насосных станций и др.) и водных резервуаров. Ожидается, что подобная водная политика приведет к

созданию в Синьцзяне оазисной экономики. Несмотря на кажущуюся неосуществимость большинства из перечисленных проектов, ряд китайских ученых считает, что развитие Синьцзяна невозможно без реализации проектов сверхдальней переброски вод. Однако в стратегии освоения и защиты водных ресурсов СУАР государство исходит также из того, что экосистема региона обладает собственной системой восстановления экологического баланса, и основное внимание следует уделить реализации этого потенциала.

Исследователь отмечает, что применение в СУАР технологий, связанных с восстановлением ландшафтов, имеет важное значение для разработки стратегии взаимодействия с государствами, расположенными по трассе нового Шелкового пути. Китайские ученые отмечают, что пояс Шелкового пути исторически занимал территорию с очень чувствительными экосистемами. В особенности подчеркивается, что природные среды Синьцзяна и Центральной Азии тесно связаны между собой особенностями рельефа и водными источниками, и что нарушение экологического баланса на любом отдельном участке этой территории может спровоцировать цепную реакцию экологических проблем в разных государствах.

Одновременно озвучивается необходимость сотрудничества с учеными стран, входящих в пояс Шелкового пути. Подчеркивается, что проблемы засух, эрозии почв, опустынивания имеют трансгосударственный характер. В июне 2014 г. ЮНЕСКО признало всемирным наследием отрезок Шелкового пути длиной в 5 тыс. км, простирающийся от Центральной китайской равнины до Семиречья (Казахстан). Данный маршрут, включающий сеть дорог, был назван «Чанъань Тяньшаньским коридором». Современный маршрут, сформировавшийся в период между II веком до н.э. и I веком н.э., начинается от городов Сиань и Лоян, и заканчивается в районе Жетысу (Казахстан). Уже более 15 лет ученые Казахстана и Китая совместно изучают экосистемы бессточных озер Центральной Азии.

Автор приводит важную для нас информацию. В настоящее время проблема борьбы с опустыниванием готовится для внесения в стратегическое планирование проекта Шелкового пути («Один пояс — один путь»). Таким образом, в рамках данного проекта разворачивается масштабное экологическое строительство, затрагивающее и водные ресурсы. К участию в ликвидации опустынивания будут привлечены многие страны. Линий Шелкового пути несколько, в том числе так называемая «северная ветвь» — через Россию. В КНР давно поднята проблема кризиса в распределении водных ресурсов по территориям экономического пояса Шелкового пути. Считается, что водный кризис в Средней Азии — это не кризис дефицита объемов водных ресурсов, а кризис их распределения. Данный регион оценивается Китаем, как обладающий большим потенциалом в формировании и улучшении систем распределения водных ресурсов.

Китай проводит исследования и привлекает специалистов многих стран к изучению моделей низкозатратной водной экономики и образа жизни. Ещё одна проблема, активно обсуждаемая в научном сообществе — создание моделей горно-морской экономики, основой которой могут стать системы транспортных коммуникаций трансечного выхода к морям. В Китае проекты данного направления разрабатываются в рамках глобальной программы по объединению рек, озер, каналов и водохранилищ. Особый интерес вызывают внутриконтинентальные проекты по созданию судоходных каналов, объединенных с крупными водными артериями и трассами переброски вод. В настоящее время в китайских СМИ активно обсуждаются проекты морских «шелковых путей». Они предполагают создание специальных маршрутов между внутренними и трансграничными реками Китая и выходами к морям. В отношении трансграничной реки — Иртыш — у Китая также есть планы ее превращения в грузовую артерию Великого Шелкового пути.

В мае 2013 г. при Академии наук КНР был создан Центр изучения экологии и среды Центральной Азии. В настоящее время его отделения, а также исследовательские станции по ведению разнообразных полевых исследований действуют в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Центр ведет подготовку кадров для совместных исследований в области освоения и защиты природных ресурсов среднеазиатских стран, расположенных по линиям Шелкового пути. Ведутся подготовительные работы по созданию Фонда совместных геополитических исследований. Особое внимание китайскими учеными уделяется разработке путей решения проблемы Аральского моря. Для этого рассматриваются проекты комплексных мероприятий, включающие комбинации различных вариантов перебросок вод вне территории Китая.

Таким образом, китайские ученые разрабатывают собственные проекты управления ресурсным потенциалом, расположенным в том числе и за границей. Однако странам - соседям КНР, подчеркивает автор, следует с осторожностью подходить к внедрению экологических технологий Китая на своих территориях. Среднеазиатским государствам и России следует учитывать возможные последствия, связанные с выращиванием на их территориях трансгенных лесов вне строго отведенных для этих целей экспериментальных площадок — т. е., в промышленных масштабах, для создания пейзажных видов, или противодействия опустыниванию.

России также придется приложить усилия, чтобы не допустить превращения Средней Азии в полигон для воплощения креативности китайской научной мысли, содействовать сохранению биологического разнообразия на территориях среднеазиатских государств, улучшению и сохранению водных ресурсов высокого качества. Автор отмечает, что отдельные направления китайской политики освоения водных ресурсов напрямую затрагивают водную,

экологическую и геополитическую безопасность Российской Федерации и ее союзников в Центральной Азии.

Основным смыслом и целью стратегии Китая является заполнение экономического вакуума, образовавшегося после распада СССР. Впрочем, этот относится не только к Центральной Азии. Региональная стратегия КНР тесно связана с фактором Синьцзяна, уйгурской проблемой и т.д. На уровне методов и средств Китай пытается привязать к себе своими инвестициями страны региона, но авторы выражают глубокие сомнения в успехе долгосрочной экономической экспансии КНР.

Восходящая мировая держава является одним из самых активных участников процесса реконфигурации центральноазиатского экономического пространства. СУАР быстро превращается в ведущий центр экономической активности «Большой Центральной Азии». В настоящее время этот находящийся в процессе бурного формирования региональный макрорегион включает сам Синьцзян, Казахстан, Кыргызстан, некоторые близлежащие области России и до некоторой степени Таджикистан. В орбиту влияния этого региона может быть втянут Туркменистан и, хотя и в меньшей степени, Узбекистан.

ОРТА АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙ ФАКТОРЫ: ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ШЕТЕЛДІК САЯСАТТАНУҒА ШОЛУ

Түйін. ҚХР ұзақ уақыт бойы Орталық Азияға қатысты Қытайдың дәстүрлі «күт және күт» саясатын ұстанды. Қазіргі уақытта Батыс Еуропа – Батыс Қытай тас жолы сынды трансконтинентальдық коммуникациялық жобалар жүзеге асырылуда. Қытай стратегиясының негізгі мәні мен мақсаты – КСРО ыдырағаннан кейін қалыптасқан экономикалық вакуумды толтыру. Алайда бұл Орталық Азияға ғана қатысты емес. Соңғы онжылдықта Қытай аймақтық саясаткерлер, саясаттанушылар, БАҚ және қоғамдық пікірдің тікелей болмаса да, негізгі талдау нысанасына айналды. Қытай мәселесі деп аталатын мәселе ең өткір саяси пікірталас пен ішкі саяси қайшылықтың нысанасына айналды. Ресей-Қытай альянсында нақты ұтылғандар аймақ мемлекеттері емес, АҚШ пен ЕО елдері болып отыр.

Түйін сөздер: Қытай, Орталық Азия, Қазақстан, Еуразия, Бір белдеу – бір жол, Еуразиялық экономикалық одақ, ШҰАР, ШЫҰ.

THE CHINESE FACTOR IN CENTRAL ASIA: A REVIEW OF MODERN FOREIGN POLITICAL SCIENCE

Abstract: Comparing perspectives and methodologies, it promotes interdisciplinary dialogue on China's pivot towards Eurasia, the Belt and Road initiative, the Shanghai Cooperation Organization, Beijing's cooperation and arguments with India, the EU, Western Balkans and South Caucasus states and the Sino-Russian struggle for multipolarity and multilateralism in

Eurasia. It also researches digitalization processes in Eurasia, notably it focuses on China's Silk Road and Digital Agenda of Eurasian Economic Union. With the Belt and Road Initiative (BRI), a project that aims to integrate China's frontier spaces more effectively to its center while simultaneously opening them to Eurasian markets and supply chains, Central Asia has gone from being a peripheral region in Beijing's foreign policy to a pivotal one. Discussions on the Belt and Road Initiative (BRI) regularly focus on its professed geopolitical or geoeconomic aims and impact.

Xinjiang plays a pivotal role in the initiative. Three of the six overland economic corridors that currently make up the BRI originate or traverse through Xinjiang. Two of them link the province to its Central Asian neighbours: the New Eurasian Land Bridge and the China-Central Asia-West Asia Economic Corridor. This dream involves the dual centenary goals of establishing a moderately prosperous society by 2021 and establishing a modern socialist country that is prosperous, strong, democratic, culturally advanced and harmonious by 2049. Furthermore, the need for continued Chinese investment and market access ensures that Central Asian leaders will continue to relegate the question of Uyghur diasporas or the treatment of other Muslim minorities in Xinjiang to the periphery.

Key words: China, Central Asia, Kazakhstan, Eurasia, One Belt – One Road, Eurasian Economic Union, Xinjiang, ShCO.